

А  
Франсуа де Россе

Из "Трагических историй"

Перевод И. Аксенова

Новые забавы и веселые разговоры. Французская новелла эпохи Возрождения: Пер. с фр. / Сост., вступ. ст. и коммент. А. Михайлова.-- М.: Правда, 1990.

[OCR Бычков М. Н.](#)

ИСТОРИЯ V

*О трагической любви брата и сестры и о несчастной и печальной их кончине.*

Не к чему в Америку ездить, новых чудовищ высматривать. Наша Европа и то слишком много их порождает. Живи я среди неверных, не удивить меня соблазнительным происшествием. Но зрелище христиан, пятнающих себя гнусностями, каких не смели позволить себе непросвещенные язычники, заставляет меня признать век наш -- стоком всяческой мерзости всех прочих веков; тому доказательство последующие истории и, в частности, та, которую я вам сейчас расскажу.

В одной из прекраснейших областей Франции, в той, которую встарь называли Невстразией, был дворянин доброго корня, женатый на благородной девице, дочери другого дворянина -- своего соседа. Было у них несколько прекрасных детей, в том числе дочь, которую мы назовем Доралисой, и сын, на каких-нибудь восемнадцать месяцев моложе ее -- его мы будем звать Лизараном.

Эти дочь и сын так были хороши, что, казалось, природа создала их себе на радость, чтобы хвалиться одним из чудес своих. Похожи они друг на друга были до такой степени, что превосходили в этом отношении Ариостову Брадаманту и брата ее Ричардетто. Отец озабочился обучить их еще в детском возрасте всяким назидательным занятиям, как то --- играть на спинете, танцевать, читать, писать и рисовать. Они так усердно принялись за это, что вскоре превзошли желания тех, кому их обучение было поручено. Вообще же эти неразлучно вскормленные дети любили друг друга так, что один без другого и жить не мог. Они были веселы, только когда были вместе, пренебрегали развлечениями и обществом других своих сверстников. В это время, время невинности, все им позволялось. Спали они вместе и оказалось, что слишком долго. Надо бы отцам и матерям обратить на это внимание и умудриться настоящим примером. Век наш, как я уже сказал, и без того слишком испорчен. Дети, едва отнятые от кормилицы, имеют больше лукавства, чем невинные двенадцатилетние подростки доброго старого времени. Твердо убежден, что все зло пошло от этой не в меру долгой близости, затянувшейся до тех пор, пока Доралисе не минуло десяти-одиннадцати, а Лизарану -- девяти-десяти лет, и не был он отправлен учиться в коллеж. Так им была горька разлука, что оба пролили бездну слез. С той и другой стороны только и слышно было, что плач и непрерывные вздохи, отцом и матерью относимые на счет одной братской привязанности. Но бесстыдная и омерзительная любовь уже и тогда, несомненно, там замешалась. Очень уж на это похоже, в чем мы сейчас, из настоящей истории убедимся. Лизаран, отправленный в коллеж одного из лучших городов области, в малое время проявил такие способности, что обогнал всех своих товарищей. По прошествии четырех учебных лет захотел отец его повидать. Он вызывает сына к себе и очень доволен, найдя его таким красивым, ученым и уже взрослым. Но это было ничто по сравнению с радостью сестры. Она не переставала обнимать и целовать брата. Но той свободы, какую им предоставляли в детстве, у них все-таки не было. К тому же сдерживал их стыд и отвратительность греха, которую они представляли себе. Тем не менее ни тот, ни другой не могли укротить проклятой страсти своей настолько, чтобы она не вырывалась иногда из поводов рассудка.

Тем временем отец вернул в коллеж Лизарана для окончания науки, имея в виду доставить ему приход. Было у него еще несколько сыновей и очень хотелось пристроить этого, самого младшего, к какому-нибудь хорошему церковному месту и тем облегчить собственное положение. Он это и сделал, в то время как красота и обращение Доралисы побудили нескольких почтенных и родовитых дворян предложить себя в ее распоряжение. Искало ее руки многое множество кавалеров, имевших большие достоинства и по возрасту девице подходящих. Тем не менее отец, предпочитая средства всем прочим доводам, дал согласие одному дворянину, соседу своему, очень богатому, но уже в летах. Ах, проклятая

А